

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ДО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1989
Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1991

4. И.Я.Златкин. История Джунгарского ханства, М., 1983, с. 67.
5. Сиюй диминь. с. 65.
6. Цинь дин мэngu ваньлюэ. цз. 6, с. 124-125.
7. Там же, цз. 6, с. 126.
8. Е.И.Кычанов. Повествование об ойратском Гаддане и Бошокту-хане. Новосибирск, 1980, с. 45.

Е.И.Васильева

ВЕРСИИ "ИНОРОДНОГО" ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЗНАТНЫХ КУРДСКИХ ФАМИЛИЙ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Целый ряд знатных курдских фамилий, занимавших видное место в политической и социальной жизни Курдистана, претендовал на "иностранное" и даже на иноэтническое происхождение. Примеров тому можно привести много, достаточно обратиться к тексту "Шараф-наме" Шараф-хана Бидлиси и другим историческим источникам. Княжеский дом Бани Арделан, правители Бидлиса и Сасуна возводили свои генеалогии к Сасанидам, правители Хаккари - к Аббасидским халифам. На происхождение от них же претендовали бахдинанские эмиры и правители Чамишгезека. Правители Джебзире корнями своего родословного древа упирались в имя прославленного арабского полководца, любимца пророка Мухаммада, Халида ибн Валида. Правители Сорана претендовали на происхождение от знатного арабского семейства.¹ Перечень примеров можно было бы продолжить,² но мы ограничимся наиболее популярными вариантами.

Указанные генеалогические претензии различными авторами воспринимаются по-разному. Курдский историк Абдаллах Мардух, например, объясняет бытовавшее в семействе Бани Арделан предание о происхождении княжеского дома от династии Сасанидов стремлением повысить престиж фамилии,³ и желание окружить семейное имя отражением царственного ореола, на наш взгляд, здесь присутствует несомненно. Однако, когда отдельные авторы начинают в претензиях на "иностранное" происхождение усматривать информацию к своим раздумьям об этногенезе курдов и строят на этом материале версии и заключения о происхождении народа,⁴ такие теоретические построения вызывают возражение. Корни отмеченного явления, как представляется, лежат не в этнической, а в социально-классовой и социально-политической сферах.

Ретроспективные генеалогические построения, якобы доказывающие иноэтническое происхождение курдских знатных фамилий, представ-

ляются ни чем иным, как идеологическим оформлением замкнутости, присущей высшему слою курдского нобилитета, его полной отчужденности от остальной части общества. И назначение такого идеологического барьера - сделать отделяющий высшее сословие социальный рубеж еще более впечатляющим и непроходимым.

Наиболее очевидно такая социальная предназначенность претензий правящих фамилий Курдистана на "чужеродное" происхождение проявила себя в трибальной среде. Факт, что под покровом родо-племенной структуры скрывалось классовое неравенство, принудительная власть и господство феодальных отношений, признается далеко не всеми авторами. В качестве примера сошлемся на диаметрально противоположные точки зрения двух исследователей кочевого общества Аравии, А.И.Першица и А.М.Васильева. У А.И.Першица существование внутриплеменного военно-политического аппарата, основанного на обычном праве, не вызывает сомнения.⁵ По заключению же А.М.Васильева, аппарат классового насилия у кочевников Аравии только зарождался, и его главные атрибуты: армия, полиция, тюрьма, административная машина, классовый суд в племени отсутствуют. Поэтому самый могущественный трибальный вождь, по мнению исследователя, не смеет наложить легчайшее наказание на беднейшего члена племени.⁶

По поводу наличия принудительной власти в курдском племени также не существует единого мнения. Порою в одной и той же работе вождь племени именуется "первым среди равных", а несколькими страницами ниже дружина трибального главы уже выступает как "свидетельство существования институционализованного механизма" его воли.⁷ Мнение, что глава курдского племени выступал в качестве "первого среди равных", является распространенным.⁸ Однако рассказ К.Дж.Рича о том, что любой член бильбасского племени мог повлиять на решение вождя и даже изменить его,⁹ не увязывается с его же словами о неограниченной власти главы племени и, тем более, с рассказом курдского автора середины XIX века Мела Махмуда Баязиди. "Вожди племен, - писал он, - хватали людей из своего племени [за какую-нибудь провинность], арестовывали их, отнимали у них имущество и, если вздумалось, убивали одного, двух или трех человек у себя дома. Правители не расспрашивали об убитых; потому что они принадлежали к племени [убившего их ага]... Никто не спрашивал их: "Почему ты поступил так?".¹⁰

Сведение к минимуму внешней атрибутики принудительной власти совсем не отражается на ее сущности. Приведенный пример показывает, как четко и беспрепятственно отправляются здесь функции полицейского аппарата, тюрьмы, суда и даже выполнение приговора.

Неосложненность аппарата угнетения делала путь от провинности до возмездия минимальным. Особенно неосложненным был этот аппарат принуждения в небольших племенах, где все текущие дела разбирались непосредственно вождем племени. Палатка вождя служила одновременно и судилищем, и сенатом, и присутственным местом.¹¹

В крупных курдских племенах высшая власть наследовалась в пределах правящего бегского дома, называемого Бегзаде. Элитарные кланы Бегзаде имели племена эмиратов Арделан и Бабан вне зависимости от их численности и количеству подразделений: и джафы, самое большое и могущественное из племен Юго-Восточного Курдистана, и хамаванды, которые даже в периоды своей величайшей славы насчитывали не более полутора тысяч человек.¹² В рамках бегского дома, называемого иногда "королевским",¹³ осуществлялось распределение и перераспределение высшей власти в трибальном сообществе, и все династийные перемены происходили в пределах его ответвлений. Высокий "полу-королевский" статус распространялся на все семейство Бегзаде. Как и власть эмиров в курдском эмирате, главенствующая роль Бегзаде в племени выступала фактом общественного сознания по той же схеме "богоданности" и неоспоримости занимаемого высокого положения.

Члены бегского дома не вступали в брак с соплеменниками и претендовали на особые генеалогии и, подобно правителям эмиратов, на "чужеродное" происхождение. У основания родословного древа фамилии джафских Бегзаде мы находим потомка пророка Мухаммада, и джафское племя, которое имело аристократическую семью, претендовавшую на не общее с племенем происхождение, С.Дж.Эдмондс называет типичным в этом плане курдским племенем классического типа. На "иностранное" происхождение претендовали многие другие семьи трибальной знати.¹⁴ Согласно "Шараф-наме" таковыми были генеалогические претензии глав племен мирдаси, сужеймани, сувейди.¹⁵ Однако в их претензиях присутствует и конфессиональная окрашенность. Наиболее однозначно в этом плане (без конфессиональной и иных примесей) выглядит версия происхождения правящего дома думбулийского племени - от сирийского араба, даже без ссылки на его знатное происхождение.¹⁶

Признание кровного родства между членами всего племени, пусть надуманного и ретроспектируемого из более поздней социально-политической ситуации, служило идеологическим оформлением племенной общности, и по силе воздействия на курдское кочевье этот идеологический институт не имел себе равных. Сохранялась иллюзия общности интересов рядовых членов племени и его верхушки. Социальное

расслоение, выражаясь в претензиях правящих семей на "инородное" происхождение, посягало тем самым на святая святых племенной структуры - на саму идею родства.

Версии "чужеродного" происхождения могущественных семейств Курдистана свидетельствуют, что идея племенной общности растворилась в процессе социальной дифференциации, и на смену идее общего происхождения пришла идея изначальности разобщения и неслиянности социальной общности, сосредоточившей в своих руках политическую власть и экономическую мощь и представленной кланами Бегзаде, с их так называемыми соплеменниками, которые по сути дела таковыми даже не могли называться. Вокдь племени более опирался на свою дружину¹⁷ - силу более реальную, нежели идея общего происхождения.

Племенная элита представляла собою социальную прослойку совершенно обособленную от остальной части племени. Трибальная организация части курдского общества полностью вписывается в феодальную структуру и может быть воспринята как ее полноправный компонент, а не как сохраняющийся на протяжении всей обозримой истории курдов пережиток доклассовой формации, хотя такая точка зрения на место племени в структуре феодального общества имеет весьма широкое распространение. Крупные курдские племена и племенные союзы выступали как социально-политические комплексы, и на первый план, в конечном итоге, выходила не иллюзия общего происхождения, а реальность кастовой разобщенности, расчлененности племени на два компонента, из которых один обладал изначальным, а потому неоспоримым правом властвовать и управлять другим.

Отнесение претензий правящих фамилий Курдистана на "инородное" происхождение к фактам этносоциальной истории курдского народа представляется, таким образом, надуманным и бездоказательным. Они целиком и полностью принадлежат сфере социально-классовых отношений. Версии "инородного" происхождения знатных семейств можно рассматривать как показатель завершенности процесса поляризации классов - как в трибальной среде, так и вне зоны племени.

-
1. Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме. Перевод, предисловие и приложения Е.И.Васильевой. Т. I. М., 1967, с. 167, 175, 220, 247, 322, 406.
 2. Там же, с. 232, 274, 290, 304.
 3. Mardukh Abdollah. Contribution à l'étude de l'Histoire des Kurdes sous la dynastie Ardalan du XVIe siècle au XIXe siècle. Thèse de doctorat. P., 1988, p. 178.
 4. См. Г.Б.Аюпов. Арабские источники по этнической истории кур-

- дов и версии их арабского происхождения. - Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Ш. Арабские страны. Ереван, 1967, с.193-196.
5. А.И.Першиц. Оседлое и кочевое общество северной Аравии в новое время. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1971, с. 32-33.
 6. А.М.Васильев. История Саудовской Аравии (1745-1973). М., 1982, с. 48, 49.
 7. А.М.Ментешавили. Курды. Очерки общественно-экономических отношений, культуры и быта. М., 1984, с.61, 104.
 8. См. Qhassemlou Abdul Rahman. Kurdistan and kurds. Prague, 1965, p. 106.
 9. Cl.J.Rich. Narrative of a residence in Koordistan and on the site of ancient Nineveh, with journal of a voyage down the Tigris to Bagdad and an account of a visit to Shirauz and Perserpolis. Vol. I, p. 150-151.
 10. Баязиди Мела Махмуд. Нравы и обычаи курдов. Перевод, предисловие и примечания М.Б.Руденко. М., 1963, с. 42-43.
 11. Х.Абовян. Курды. - Полное собрание сочинений в 8 томах. Т. 8, Ереван, 1958, с. 360-361.
 12. F.Barth. Principles of social organization in Southern Kurdistan. - Universitetes Etnografiske Museum Bulletin, N 7. Oslo, 1953, p. 45.
 13. Ibid., p. 36; Van Bruinessen M.M. Agha, shaikh and state. On the social and political organization of Kurdistan. Utrecht, 1978, p. 80.
 14. C.J.Edmonds. Kurds, turks and arabs. Politics, travel and research in north-eastern Iraq 1919-1925. L., 1957, p. 145, 146.
 15. "Шараф-наме", т. I, с. 232, 313, 304.
 16. Там же, с. 357.
 17. Barth, p. 39.

Е.И.Васильева

СКОТОВОДЧЕСКОЕ КОЧЕВЬЕ В ИСТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КУРДИСТАНА (ЭМИРАТЫ АРДЕЛАН И БАБАН, ХУП-ХІХ вв.)

Хозяйственная жизнь подавляющего большинства населения эмиратов Арделан и Бабан была связана с двумя видами трудовой деятельности: разведением скота и обработкой земли. Число земледельцев, совершенно чуждых скотоводству, было незначительным - даже